

⁶⁰ См.: *Христофоров И.А.* Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике и общественном мнении конца 1860-х – начала 1880-х гг. // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 528–530.

⁶¹ *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 201.

⁶² См.: РГИА, ф. 1181, оп. 1, 1861 г., д. 4г.

⁶³ Там же Д. 4д, л. 24–82.

⁶⁴ Там же. Л. 116–181.

⁶⁵ См.: *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009. С. 62–67.

⁶⁶ РГИА, ф. 1181, оп. 1, 1861 г., д. 4д, л. 245–270; д. 4е, л. 1–36.

© 2011 г. С. А. РЕПИНЕЦКИЙ *

МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ И ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПЕЧАТИ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Деятельность цензуры затрагивалась практически во всех работах, посвященных эпохе Великих реформ, и не раз освещалась в монографиях, диссертациях и статьях¹. И все же динамика изменения цензурной политики в 1856–1860 гг. и личная позиция цензоров в разворачивавшейся общественной борьбе отражены в них далеко не полно. В Российской империи в 1856–1860 гг. цензура осуществлялась прежде всего цензурными комитетами, находившимися в ведении попечителей учебных округов. Отдельно существовала духовная и военная цензура, а публикации, затрагивавшие специальные вопросы, пересылались для изучения в соответствующие министерства, что затрудняло и замедляло издательскую деятельность и болезненно переживалось редакторами периодических изданий. Цензура иностранных произведений проводилась в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Вильно, Киеве, Одессе, Риге, Дерпте и Ревеле. Высшими цензурными инстанциями были Главное управление цензуры и Главный цензурный комитет Министерства народного просвещения, именно туда направлялись все издания, в позволительности которых сомневались служащие на местах. Кроме того, проверку уже дозволенных публикаций министр народного просвещения мог поручить своим чиновникам по особым поручениям. Численный состав российской цензуры был невелик: одновременно по стране эти задачи выполняли около полусотни чиновников различных рангов.

Как известно, 1856–1857 гг. стали периодом пробуждения общества, замешательства правительства и отступления цензуры². С 1856 г. количество разрешаемых в России иностранных изданий стало превышать количество запрещаемых и дозволенных с купюрами. В 1857 г. подозрения и нарекания, как правило, вызывали обличительные статьи и публикации, косвенно затрагивавшие крестьянский вопрос, открытое обсуждение которого в печати еще не было разрешено. Так, характеризуя статью «Бюджеты с.-петербургских чиновников» в журнале «Экономический указатель», чиновник особых поручений Палаузов 16 апреля отмечал: «Неизвестный автор, помеченный буквой Н., старается показать, как недостаточно вообще жалованье, которое получают чиновники гражданских ведомств. Мысль эта сокрыта у автора под формой приход-расходного счета четверых чиновников, служащих в одном и том же департаменте. Статья эта вовсе не имеет политико-экономического достоинства и скорее имела бы место в журнале юмористическом нежели в столь серьезном и специальном издании как “Эконо-

* **Репинецкий Станислав Александрович**, кандидат исторических наук, ассистент Московского городского педагогического университета (Самарский филиал).

мический указатель»³. 4 сентября тот же Палаузов обращал внимание начальства «на № 20 “Молвы”, где в передовой статье под заглавием “Москва, 26 августа” неизвестный автор, рассуждая о труде вообще, видимо представляет рабский труд американских негров трудом нашего крестьянского сословия, работающего, по его нескромному выражению, скованными руками»⁴. «Сын отечества» подвергся замечанию за то, что «вопреки Высочайшему запрещению не допускать никаких рассуждений и толкований по случаю обнародования Высочайших рескриптов об улучшении быта помещичьих крестьян, помещена в фельетоне небольшая статья о крестьянах в остзейских губерниях»⁵.

Не избежал упреков и «Русский вестник» за статью «Об отменении и выкупе помещичьих господских прав в Австрии». «Статья эта, – писал Палаузов, – принадлежит известному писателю Гакстгаузену и написана, сколько мне известно, безусловно для “Русского вестника”. Только переворот 1848 г. дал почувствовать Австрии потребность к отменению господских прав, посредством которого она вступила в новую эпоху своей внутренней и внешней истории. Аналогия между Россией и Австрией по случаю современного вопроса о крестьянском быте еще более заставит общество обратить внимание на статью Гакстгаузена, в которой только одно и есть несколько щекотливое место, это разрешение задачи путем революции»⁶. Хваля книгу о русской истории рубежа XVI–XVII вв., Палаузов особо подчеркивал: «Даже вопрос о Юрьевом дне, которого по необходимости должен был он коснуться, описывая царствование Бориса Годунова, автор изложил без всяких изображений, выводов и сближений, которые в настоящее время, при всеобщем говоре о вопросе крестьянского быта, мог[ли] бы произвести разные неблагоприятные толки»⁷.

Судя по протоколам московского цензурного комитета, в 1858 г. около половины запрещаемых изданий составляли произведения, отклоненные за «безнравственность», неосторожные высказывания или без объяснения причин. Возражение цензоров вызвала попытка славянофилов объявить о намерении привлечь к сотрудничеству в своих изданиях славян из других государств⁸. В то же время в Москве, естественно, довольно редко подавались на просмотр цензуры сочинения, которые можно было заподозрить в пропаганде сепаратизма, в недовольстве религиозной политикой или русофобии (на этих основаниях запрещалось немало книг, поступавших из-за рубежа). Рукописи, касавшиеся крестьянского вопроса, отклонялись в том случае, если в них поднимались запретные темы или усматривалось искажение смысла Высочайших рескриптов. Так, 16 мая цензор Безсомыкин запретил печатать сочинение «Крестьянская печатная правда. Беседа крестьянина с крестьянами о новом улучшении житья-бытья их», ссылаясь на то, что оно «может служить поводом к неосновательным толкам»⁹.

Одним из наиболее ярких и характерных эпизодов цензурной политики конца 1850-х гг. стало увольнение от должности в декабре 1858 г. московского цензора Н.Ф. фон Крузе. В августе 1857 г. П.М. Леонтьев (компаньон М.Н. Каткова по изданию «Русского вестника») жаловался в письме к К.Д. Кавелину на трения между Крузе и товарищем министра народного просвещения, заведовавшим цензурой: «Участившиеся в последнее время замечания князя Вяземского начинают теперь уже тяготить нашего доброго цензора»¹⁰. Однако отношения Крузе с начальством еще более обострились после того, как в 1857 г. в последнем номере «Русского вестника» в приложении «Современная летопись» появилось сообщение о торжественном обеде, состоявшемся в Московском купеческом собрании 28 декабря¹¹.

Сам обед, в котором приняли участие около 180 человек, носил подчеркнуто верноподданнический характер и являлся своего рода демонстрацией поддержки московским обществом незадолго перед тем опубликованных рескриптов В.И. Назимову и П.Н. Игнатьеву (что резко контрастировало с затянувшимся молчанием сословных органов московского дворянства). В тостах М.Н. Каткова, А.В. Станкевича, Н.Ф. Павлова, М.Н. Погодина, И.К. Бабста, К.Д. Кавелина и В.А. Кокорева выражались чувства признательности и преданности царю, а также готовность, по словам Бабста, «до последнего вздоха содействовать благим начинаниям державного освободителя народного труда». Все эти выступления были полностью воспроизведены в «Русском вестни-

ке»¹². Там же в качестве «дополнения» к статье об обеде публиковалась речь, которую московский купец Кокорев подготовил, но не стал произносить, «преимущественно потому, что она могла получить особенное практическое значение лишь среди купеческого сословия». В ней Кокорев призывал купечество принять участие в общем деле освобождения крепостных, безвозмездно выкупив дома и огороды крестьян мелкопоместных владельцев в нечерноземных губерниях. Для этого, как уверял Кокорев, «первая гильдия охотно примет лет на десять двойной платеж, вторая и третья тоже пойдут вслед за нею на некоторую прибавку» (перед этим он предлагал также «открыть между всеми русскими купцами подписку в том, кто и за сколько крестьянских жилищ заявит желание заплатить деньги помещикам»). Помимо крестьянского вопроса, Кокорев в своей речи затронул такие темы, как необходимость расширения гласности, вред винных откупов и т.д.¹³ Катков в предисловии с пафосом заявлял: «Речь эта не просто речь, а поступок, который пусть оценит Россия»¹⁴. По заказу Кокорева ее текст был отпечатан в типографии Каткова отдельной брошюрой тиражом в 10 тыс. экземпляров¹⁵.

Между тем 2 января 1858 г. Московский цензурный комитет обязал фон Крузе дать письменные объяснения, по какой причине он счел возможным допустить сообщение об обеде в печати¹⁶. «Речи противоречат последнему предписанию Вашего высокопревосходительства о недозволении печатать статьи, в коих допускаются суждения о крестьянском вопросе, – докладывал А.С. Норову Палаузов. – Долгом считаю, впрочем, заметить, что речи эти отнюдь не противоречат мерам правительства, выраженным в Высочайших рескриптах по случаю улучшения быта помещичьих крестьян, напротив, они живо и рельефно выражают те благотворительные последствия, которые непосредственно произойдут от выше приведенных мер правительства, явно направленных на будущее благоденствие земледельческого класса»¹⁷. Со своей стороны, жандармский подполковник Воейков доносил 16 января 1858 г., что «Кокорев, участвовавший в обеде, названный печатью представителем купечества, в сословии этом сочувствия к себе не возбуждает, в нем видят разбогатевшего откупщика, но не настоящего купца. В предложении же его о сборе по подписке 10 миллионов на выкуп крестьян по несбыточности сего видят одно желание его выставить себя государственным человеком». «Вступительная статья, об обеде этом, – отмечалось в донесении, – помещенная в последней книжке “Русского вестника” за декабрь месяц, написанная редактором журнала Катковым, раздразнила многих, даже и тех, которые искренне сочувствуют и желают эмансипации»¹⁸.

Каткову сначала разрешили выдать Кокореву 500 экземпляров его брошюры, но затем изъяли оставшиеся уже отпечатанные 2 950 экземпляров и запретили где бы то ни было публиковать данный материал¹⁹. Кокорев вспоминал впоследствии, что «в зиму 1857 года» за ним и его домом было установлено наружное наблюдение²⁰. Тем не менее 16 января 1858 г., устроив специальный обед для купцов, он произнес тост за цензора Крузе, «который постиг высшие взгляды правительства на литературу и вследствие этого не стесняется высказываться в ней свободной мысли и правде»²¹.

16 января 1858 г. министр народного просвещения разослал утвержденные императором «правила для руководства при рассмотрении и пропуске к напечатанию статей по крестьянскому вопросу», воспрепятствовавшие печатать статьи, «где в форме рассказа или какой-либо другой помещаются события или суждения, могущие возбудить крестьян противу помещиков»²². Правительство начало принимать и превентивные полицейские меры. Редактор московского либерального журнала «Атеней» Е.Ф. Корш 9 февраля 1858 г., описывая в письме к П.В. Анненкову историю публикации речи Кокорева, сообщал со свойственным ему чувством юмора, как был «приглашен к обер-полицейстеру дать подписку, что никогда не буду обедать и за обедом слушать или говорить»²³. «Вы вероятно знаете, – добавлял он, – что от Крузе истребовано по Высочайшей воле объяснение, чем он руководился при пропуске дополнительной речи Кокорева. Объяснение написано благородно, откровенно, ловко, с достоинством, и без всяких излишеств. С нетерпением ожидаю решения этого дела, которое может иметь важные последствия для литературы, не говоря уже об нас, литературных пролетариях»²⁴.

7 марта из министерства вновь поступил запрос «о причинах, побудивших цензора фон Крузе разрешить к напечатанию в “Русском вестнике” описание обеда 28 декабря и дополнительную речь г. Кокорева». Но в тот же день Норов разрешил А.И. Кошелеву издавать «Сельское благоустройство» – приложение к «Русской беседе», согласно программе, специально посвященное крестьянскому вопросу. Московский цензурный комитет сразу же передал цензурирование нового издания Крузе²⁵. На следующем заседании, 11 апреля, ему же поручили проверку газеты И.С. Аксакова «Парус» и рукописей Б.Н. Чичерина по истории права России, Франции и Англии²⁶. Примечательно, что оба автора считались неблагонадежными (с первого из них на том же заседании был снят наложенный в 1853 г. запрет на редакторскую деятельность)²⁷. По-видимому, начальство еще верило в усердие Крузе. Но когда эти материалы были допущены в печать, ему снова сделали замечание²⁸.

В конце марта Министерство народного просвещения возглавил Е.П. Ковалевский, до этого председательствовавший в качестве попечителя учебного округа в московском цензурном комитете. Но несмотря на его либеральную репутацию, требования к цензуре вскоре стали еще более жесткими. Было запрещено печатать «статьи подобные по содержанию статье, помещенной в апрельской книжке журнала “Современник” за сей год под заглавием “О новых условиях сельского быта”, где вопреки главным началам установленным Высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьян, говорится, что помещицы крестьяне при освобождении их из крепостного состояния, должны получить в полную собственность землю, которою они ныне пользуются»²⁹. Кроме того, по всем статьям, касавшимся крестьянского вопроса, была назначена дополнительная цензура.

16 мая в Москве получили новые «правила цензурирования сочинений, относящихся до улучшения и устройства крестьянского быта» и предписание о дополнительной проверке всех статей чиновниками тех ведомств, к компетенции которых относится их тематика. Крузе министр сделал новое замечание за допущение к печати в «Атенее» статей Женина («Несколько слов об улучшении быта нашего ремесленного класса») и Чичерина («Промышленность и государство в Англии») ³⁰. После этого комитет вынес серию запретительных постановлений: Тройницкий запретил печатать статью Маслова «О крестьянском вопросе», а Безсомыкин – статью «Крестьянская печатная правда». Даже фон Крузе вынужден был вести себя более осторожно и отметил, «что полученные из редакции журнала “Русский вестник” 13 статей и из редакции журнала “Сельское благоустройство” 17 статей подлежат предварительному рассмотрению чиновника Министерства внутренних дел». В результате, решено было «означенные статьи представить г. министру народного просвещения»³¹. Однако уже 25 июля комитету пришлось «принять к руководству» «предложение г. министра народного просвещения от 7 июля за № 430 о том, чтобы те из вносимых на рассмотрение цензуры статей, относящихся к крестьянскому вопросу, которые явно противоречат преподанным цензуре правилам, были запрещаемы к печати непосредственно самой цензурой, не представляя их для отсылки на рассмотрение Министерства внутренних дел»³². Ранее, 13 июня, до сведения комитета довели распоряжение императора о том, «чтобы без особого Высочайшего разрешения не были публикуемы частные суждения особ августейшей фамилии о литературных произведениях, особенно политического содержания»³³. С июля все периодические издания «тотчас же по выходу их в свет» должны были пересылаться в III отделение собственной е.и.в. канцелярии³⁴.

Тем временем Крузе по-прежнему действовал достаточно либерально. Н. Орлов писал 31 июля из Москвы находившемуся в Орле С.И. Кривцову: «В “Русском вестнике” Крузе пропускает такие штуки, что ваша лондонская книгопечатня»³⁵. Письмо было перлюстрировано, выписка из него попала в III отделение и уже 18 августа на заседании московского цензурного комитета обсуждался вопрос о сложении с Крузе полномочий за допущение книги «Грамматика»³⁶. Но на этот раз все обошлось для цензора благополучно. Е. Корш сообщал 22 октября Анненкову: «Слухи об устранении Крузе от журналов несправедливы: это чуть ли не петерб[ургское] изобретение.

Иначе мы подняли бы вой и скрежет зубами»³⁷. 9 сентября Крузе получил «отпуск на 28 дней по домашним обстоятельствам»³⁸. Вернувшись из отпуска, он писал 22 ноября В.Н. Муравьеву во Псков: «Реакционная сторона преследует без устали все мои действия, но я креплюсь, не уступая невежеству. Долго ли [будет] продолжаться так – не знаю, но чувю, что скоро меня спихнут. Последний номер (20-й) “Рус[ского] вестника” поднял в Питере страшную бурю»³⁹. 12 декабря Крузе был «причислен к Министерству народного просвещения с увольнением от настоящей должности». Незадолго до этого, 4 декабря, министр уведомил цензоров о том, что император повелел «дозволять к напечатанию статьи, где будут разбираться и обсуждаться вопросы, относящиеся до порядка и способов выкупа помещичьими крестьянами при будущем их устройстве земельных угодий». Оба эти распоряжения слушались 20 декабря 1858 г. на одном заседании Московского цензурного комитета⁴⁰.

После отставки «добротного цензора» в редакции «Русского вестника» задумали небывалую акцию в его поддержку, о чем Катков писал в 1858 г. в Петербург В.П. Безобразову: «Вам уже известно, что Н.Ф. фон Крузе более не цензор. Интрига, так искусно и упорно веденная против него, увенчалась наконец успехом, и он тишком причислен к министерству с увольнением от цензурской должности. Он не хочет оставаться на службе и уже подал в отставку. Его дело кончено, наше начинается. Мы должны вспомнить, как доблестно, с каким мужеством и как бескорыстно действовал он в продолжение трех лет своей цензурской службы. Он понял смысл современных требований и обрек себя на энергическое служение им. Он был пионером новой области, которая открылась для русской мысли и слова; он шел вперед, разведывая пути, не отступая ни на шаг, и пространство, пройденное им, останется навсегда за русским словом; никакая реакция, никакие интриги не отобьют назад этого пространства; могут быть еще жертвы, но общее дело вне всякой опасности. Что сделано, то сделано, и что написано, того не вырубишь топором. Интрига со временем откроется и само правительство отдаст ему должную справедливость; потому что действуя по своему усмотрению, он действовал не вопреки стремлениям верховной власти и служил ей честно и верно. Между тем мы, общество, зная всю интригу, не должны оставаться равнодушными зрителями незаслуженного падения человека, послужившего общему делу. На нас ложится долг что-нибудь сделать в честь и в пользу его. В Англии для людей, которые ознаменовали себя общественными заслугами, открывается национальная подписка. Крузе заслуживает подобной подписки. Мы не можем сделать это печатными образом и в таких размерах, как бывает это в Англии, но хорошо будет и то, если в разных кругах будут обращаться списки жертвователей, и таким образом будет заявлено, что у нас уже существует до некоторой степени самостоятельное общество. В Москве подписка уже открылась в разных кругах, идет живо и обещает значительный сбор. Она открывается в разных университетских городах; можно надеяться, что Петербург не отстанет в этом деле. Мы надеемся, что Вы не откажетесь действовать в Вашем кругу и откроете в нем подписку, как открывается она в разных других кругах»⁴¹.

Среди писем Каткова Безобразову это – единственное, написанное, хоть и рукой Михаила Никифоровича, но разборчивым, почти каллиграфическим почерком. По-видимому, оно предназначалось для просмотра широкому кругу лиц, чем было обусловлено и подробное изложение позиции организаторов сбора (Безобразову ее не нужно было бы разъяснять столь детально). Любопытно, что в письме оппозиционная акция либеральной общественности представлена как государственное дело, а ее организаторы выступают в поддержку верховной власти против консервативно-реакционной бюрократии. По сути, это были те же идеи, которые прослеживаются и в статьях Кавелина, Н.А. Мельгунова и Чичерина, анонимно опубликованных в герценовских сборниках «Голоса из России».

Однако отставкой Крузе цензурные репрессии в конце 1850-х гг. не ограничились. 11 февраля 1859 г. М.Н. Лонгинов сообщал С.Д. Полторацкому: «“Парус” запрещен и Капнист отставлен с прописанием, что он тем более виноват, что первый номер “Паруса” был перед ним читан цензором Крузе (sic!). Действительно, участие такого злодея,

как наш Николай Федорович, должно бы утратить благонамеренного человека. Новыми цензорами, Драшусовым и Наумовым, довольны. Есть еще вакансия. Третьего дня Безсомыкин, которому передан “Атеней”; приходил к Е. Коршу и слезно жаловался на то, что ему, Безсомыкину, враги его сделали ужасную репутацию начальника и реак, клялся в противном, говорил, что обязан В. Коршу и “Ведомостям” поправлением несколько шаткой обидной для него, Безсомыкина, славы и умолял Е. Корша поддержать восстановление это и содействовать ему в том»⁴². Но далеко не всегда при этом уволенных цензоров считали в обществе «своими». Тот же Е. Корш писал Анненкову 4 февраля 1859 г.: «Сейчас узнал в цензурном комитете, что Капнист уволен. Бог с ним! Он держал у себя каждый лист журнала по пяти суток и более, и не марал, а просто марался красным карандашом»⁴³.

И все же цензоры явно не в полной мере выполняли данные им инструкции, и 3 марта 1859 г. Ковалевский вынужден был напомнить об этом и потребовать их неукоснительного соблюдения. Министр также желал знать, «почему... многие... статьи не представляются для передачи на рассмотрение подлежащих ведомств». Оправдываясь, цензоры ссылались на то, что «при соблюдении этого порядка теряется много времени», и предлагали предписать редакциям сразу отправлять статьи в соответствующие ведомства, минуя цензуру⁴⁴. В ответ на требование Ковалевского разъяснить мотивы пропуска в печать непозволительной статьи об условиях освобождения крестьян цензор московского комитета Н.П. Гиляров-Платонов подал в марте 1859 г. докладную записку, в которой указывал, что успешно цензурируя много лет издания, специализирующиеся на крестьянском вопросе, он начал больше полагаться на собственный опыт. К тому же, отмечал Гиляров-Платонов, эти журналы издаются самими помещиками и всегда «благонамеренны», а потому их статьи по определению не могут быть направлены против землевладельцев⁴⁵.

Общественные деятели продолжали жаловаться на ужесточение цензуры. Д.П. Хрущев писал П.И. Иванову в марте 1860 г., что «цензура хуже, чем когда-нибудь», Кошелев в том же месяце уверял Аксакова, будто она «строга до безумия»⁴⁶. Н. Берг из Кирсанова Тамбовской губ. в 1858 и 1860 гг. указывал своим корреспондентам (Павлову, Погодину, С.П. Шевыреву) на недостаток гласности⁴⁷. Но эти жалобы звучали преимущественно в заграничных изданиях и частной переписке. В таких журналах, как «Атеней», «Отечественные записки», «Русский вестник», теме гласности и цензуры в конце 1850-х гг. уделялось ничтожно мало внимания по сравнению с положением крестьян, проблемой экономической свободы, будущим общины и т.п. Конечно, такое «невнимание» подцензурных журналов к цензуре во многом объяснялось их зависимостью от нее и опасениями за свое существование. Однако российская журналистика к этому времени уже умела ловко обходить запреты, и при большом желании публично обсуждать эту проблему авторы, вероятно, нашли бы такую возможность. В то же время российские публицисты не видели в цензуре своего основного врага или какую-то самостоятельную силу. Их взаимоотношения складывались вполне терпимо, более того, некоторые цензоры иногда даже становились на сторону либеральных авторов. Те, в свою очередь, видели в цензуре нечто вполне естественное и добивались лишь ее ограничения, а не упразднения. Эта позиция являлась принципиальной и не может объясняться лишь «умеренностью» либералов, возможно, это было обусловлено и специфической ролью цензуры как органа государственного «контроля качества» печатной продукции⁴⁸.

Примечания

¹ См., в частности: Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862; *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892; *Лемке М.К.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904; *Розенберг В., Якушкин В.* Русская печать и цензура в ее прошлом и настоящем. М., 1905; *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. М., 2003; *Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966; *Пирумова Н.М.* Александр Герцен – революцио-

нер, мыслитель, человек. М., 1989; *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989; *Громова Л.П.* К вопросу о взаимоотношениях российского правительства и русской эмигрантской печати // *Журналистика на пороге XXI века.* Владикавказ, 1997; *Пирожкова Т.Ф.* Б.Н. Чичерин в журнальной полемике 1856–1858 гг. и его суждения об этике журналиста // *Из века в век. Из истории русской журналистики. 1702–2002.* М., 2002; *Гусман Л.Ю.* В тени «Колокола». Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860 гг.). СПб., 2004; *он же.* История несостоявшейся реформы. Проекты преобразования цензуры иностранных изданий в России (1861–1881 гг.). М., 2007; *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). СПб., 2007; *Нетужилов К.Е.* Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2008.

² *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 2–14.

³ РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 3989, л. 9.

⁴ Там же, л. 26.

⁵ Там же, л. 44.

⁶ Там же, л. 46–47.

⁷ Там же, л. 35.

⁸ ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 401, л. 2.

⁹ Там же, д. 399, л. 42.

¹⁰ Русская мысль. 1892. № 3.

¹¹ Современная летопись «Русского вестника». 1857. Т. 12. С. 203–217.

¹² Там же. С. 203–212.

¹³ Там же. С. 212–217.

¹⁴ Там же. С. 212.

¹⁵ ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 398, л. 32.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 3989, л. 48.

¹⁸ ГА РФ, ф. 109, оп. 33, д. 23, л. 6.

¹⁹ ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 398, л. 35, 45.

²⁰ *Кокорев В.А.* Воспоминания давно прошедшего // *Русский архив.* 1885. № 9. С. 156–157.

²¹ ГА РФ, ф. 109, оп. 33, д. 23, л. 4; ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 398, л. 31–32.

²² РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 4785, л. 1. 28 апреля в нарушении этого предписания было učinено «Сельское благоустройство»: Палаузов подверг его критике за указание на необходимость освобождения крестьян с землей с расчетом ее количества для Рязанской губ. и упоминание «о великих и многообразных злоупотреблениях помещичьей власти». В ответ издатель Кошелев направил императору прошение «об изъятии “Сельского благоустройства” из правил цензурирования статей по крестьянскому вопросу», на что, естественно, в августе 1858 г. получил отказ (Там же, д. 3989, л. 62; ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 400, л. 12).

²³ ИРЛИ РАН, ф. 7, д. 57, л. 23.

²⁴ Там же, л. 22.

²⁵ ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 399, л. 1.

²⁶ Там же, л. 12.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 32.

²⁹ Там же, л. 21–23.

³⁰ Там же, л. 31–32.

³¹ Там же, л. 34–42.

³² Там же, д. 400, л. 1.

³³ Там же, д. 399, л. 46.

³⁴ Там же, л. 64.

³⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 1, д. 1802.

³⁶ ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 400, л. 11; д. 399, л. 67.

³⁷ ИРЛИ РАН, ф. 7, д. 57, л. 5.

³⁸ ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 400, л. 28.

³⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 1, д. 1802. Судя по протоколу заседания Московского цензурного комитета 10 декабря 1858 г., министр народного просвещения потребовал объяснения тому, кто сообщил журналистам сведения и пропустил в печать статью «Русского вестника» о «несостоявшемся решении С.-Петербургского городского депутатского собрания по делу об отказе действительного статского советника Безобразова в принятии обывательской грамоты» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 401, л. 16, 19, 22, 30).

⁴⁰ ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 401, л. 33–34.

⁴¹ ИРЛИ РАН, ф. 23, д. 69, л. 5–6.

⁴² ОР РНБ, ф. 603, д. 145, л. 5.

⁴³ ИРЛИ РАН, ф. 7, д. 57, л. 36.

⁴⁴ РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 4785, л. 1–5.

⁴⁵ Там же, л. 9–12.

⁴⁶ ГА РФ, ф. 109, оп. 3, д. 1959, л. 48, 50.

⁴⁷ Там же, д. 1939, л. 1, 3; д. 1959, л. 41.

⁴⁸ Исторические сведения о цензуре в России. Печатано по распоряжению Министерства народного просвещения. СПб., 1862. С. 89–95. Подробнее см.: *Репинецкий С.А.* Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. М.; Самара, 2010.

© 2011 г. С.А. КРОПАЧЕВ *

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» И ЕГО ЖЕРТВЫ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ 1937–1938 годов

«Большой террор»¹ – явление уникальное в советской истории. За 2 года по обвинению в политических преступлениях аресту подверглись более 1.5 млн человек. Большая часть из них – 1 344 923 человека – были осуждены за контрреволюционные преступления, половина из них приговорена к высшей мере наказания². Это означает, что в среднем государство за эти годы ежедневно убивало тысячу своих невинных граждан. В настоящей статье «Большой террор» будет представлен глазами его заказчиков, идеологов, организаторов и пропагандистов.

С 23 февраля по 5 марта 1937 г. прошел Пленум ЦК ВКП(б), на котором 3 марта с основным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И.В. Сталин, повторивший свой известный вывод об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма. Он заявил: «Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»³. Главными врагами советского государства объявлялись троцкисты, превратившиеся, по мнению Сталина, «в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов»⁴. Он призвал «в борьбе с современным троцкизмом» применять... «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома»⁵. Фактически это была четко сформулированная перед НКВД СССР задача на уничтожение («выкорчевывание») «врагов народа». В заключительном слове на Пленуме 5 марта 1937 г. Сталин, опираясь на результаты партийной дискуссии 1927 г., даже назвал конкретное (!) количество «врагов» – 30 тыс. троцкистов, зиновьевцев и всякой другой «шушеры»⁶: правые и прочие»⁷. К моменту Пленума из них уже были арестованы 18 тыс. человек. Таким образом, «врагов», по Сталину, осталось «всего» 12 тыс.⁸ Они представляли угрозу для партии и страны в целом, так как могли серьезно навредить, «напакостить и нагадить»⁹.

В резолюции Пленума, принятой 3 марта 1937 г., по докладу Н.И. Ежова¹⁰ «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» были одобрены «мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вреди-

* **Кропачев Сергей Александрович**, кандидат исторических наук, доцент, председатель Правления краснодарского общества «Мемориал».